

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

СРЕДИ
ОДИЧАВШИХ
КОНЕЙ

Александр Романович Беляев

Среди одичавших коней

Аннотация

«— Что нового, Вилли Улла? – спросил Бойко, поворачивая исхудавшее, бледное лицо.

Хозяин дома только что вернулся из города. Он поставил в угол корзину, снял барашковую круглую шапку, вытер со лба и шеи пот и снова надел шапку. Он был чем-то взволнован, но старался не показывать этого...»

Содержание

I. Припадок малярии	4
II. Пещерный житель	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Беляев

Среди одичавших коней

I. Припадок малярии

– Что нового, Вилли Улла? – спросил Бойко, поворачивая исхудавшее, бледное лицо.

Хозяин дома только что вернулся из города. Он поставил в угол корзину, снял барашковую круглую шапку, вытер со лба и шеи пот и снова надел шапку. Он был чем-то взволнован, но старался не показывать этого.

– Что нового? Ничего нового. Лежи. Поправляйся, – ответил он и опять снял шапку. На этот раз он помял ее в руках и повесил на гвоздь у двери.

Бойко продолжал внимательно следить за ним.

– Ты что-то скрываешь, Вилли Улла? Я вижу... Дай мне пить.

Пей, пожалуйста, – татарин протянул Бойко медный кувшин с узким горлышком. Бойко напился и закрыл глаза.

– Как все это нелепо, – тихо сказал он, не открывая глаза.

Бойко был прислан сюда из Симферополя, как агитатор. Но по приезде, в вечер первого же дня, его свалил с ног сильный приступ тропической малярии, захваченной на Кавказе. Несколько дней он провалялся без сознания. Теперь ему

было лучше, но от времени до времени припадки повторялись. Он был так слаб, что не мог поднять голову. Вилли Улла ухаживал за ним, как умел: поил ключевой водой и кормил жирной бараниной.

В тот момент, когда Бойко уезжал из Симферополя, настроение было тревожное. Поговаривали о возможности эвакуации, так как Красная армия стягивалась на наиболее опасный участок фронта гражданской войны. Бойко страшно волновался, как бы эта эвакуация не произошла в тот момент, когда он валяется здесь, в горной татарской деревне, и эти волнения только ухудшали течение болезни. Вилли Улла, не желая еще больше волновать больного, не говорил ему о том, что происходит в городе, куда он ходил на базар. Однако скрывать правду скоро стало невозможно. В тот день, когда Бойко поднялся с разложенного на полу войлочного коврика, он решительно заявил, что идет в город.

– Куда идешь? – уговаривал его Вилли Улла. – Голова не держишь, ноги не идут.

Но Бойко упорно твердил:

– Дойду.

Вилли Улла вздохнул, почмокал неодобрительно губами и сказал.

– Нельзя туда идти. Красных нет, белые в Крыму. Мулла рад. Мемет Ресул рад. Мемет проводник был. Баринь катал. Деньги большой имел. Опять катать хочет. А бедный не рад. Опять аренда Мемету плати. Оч-чень нехорошо!

«Белые пришли!»

У Бойко от этих слов закружилась голова, и он опустился на войлочный коврик. Совершилось то, чего он так опасался.

Вилли Улла опустился рядом с ним на пол и начал утешать.

– Ничего, поживешь у меня. Тут тебя никто не тронет. Белые уйдут, опять большевики придут, тогда пойдешь.

Бойко остался жить у Вилли Улла. Поправлялся он медленно. Бездействие тяготило его. Постоянная мысль об опасности томила, как хроническая болезнь. Из осторожности, он почти не выходил из дома. Сидел на небольшой веранде, укрывавшей от горячих лучей южного солнца, и смотрел на каменистую дорогу, спускавшуюся капризными извилинами. Эта дорога была для него запретной. Внизу синело море. Пахло горными травами. Но его не радовало южное солнце, он даже как будто не замечал его.

Однажды вечером он сидел у порога хижины и бездумно смотрел на кучевые облака, принимавшие вид фантастических замков, освещенных розовыми лучами заходящего солнца. Эти замки как будто стояли на сизых от тени, грозных скалах. И скалы и замки меняли свои очертания и окраску... Вот пошатнулась башня, расползлась вширь и стала похожей на летящую птицу... Вот замок из розового превратился в синий и начал медленно оседать...

– Послушай, товарищ!

Бойко вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял Вилли Улла. Он был чем-то взволнован и не скрывал этого.

– Плохо дело, – сказал он. – На тебя донесли. Я знаю, кто это сделал. Мемет Ресул это сделал. Мало ему своих виноградников, он мой отнять хочет. Шашла¹ у меня такая – во всей деревне нет. А ему неприятно. Меня в тюрьму хочет за то, что большевика скрываю, а виноградник себе забрать хочет. – Вилли Улла высоко поднял и округлил свои черные, густые брови, отчего лицо его сделалось наивно-хитрым. – Откуда я знаю, что ты большевик? Ты мой гость и больной человек. Мне ничего не будет. А тебе неприятность может быть...

Бойко поднялся и взволнованно потер руки.

– Я могу уйти, – сказал он. – Я уже и сам решил это.

– Хорошо, ты уйдешь, только не сейчас, – ответил Вилли Улла. – Далеко не уйдешь, ноги слабы, а они едут, скоро здесь будут.

– Кто они?

– Офицер и два солдата, я все знаю, пусть Мемет Ресул не думает, что он умней всех в деревне.

– Что же делать? – невольно спросил Бойко.

– Иди сюда, – сказал Вилли Улла, приглашая Бойко следовать за собой.

Татарин привел Бойко в свои виноградник и, указывая на кучу обрезков виноградной лозы, сказал:

¹ Сорт винограда.

– Ложись, я тебя закопаю. Тут полежишь, а потом пойдешь, если хочешь.

Они вдвоем разгребли кучу, Бойко улегся, а Вилли Улла набросал на него обрезки лоз.

– Лежи, не шевелись, – и он ушел поджидать гостей.

Ожидать пришлось недолго. Скоро Бойко услышал стук лошадиных копыт по каменистой дороге. Подъехали к дому, остановились.

– Ну и дорога у вас, чорт ногу сломит, – услышал Бойко незнакомый голос.

– Зачем чорт, и лошадь сломит, – отвечал голос Вилли Улла, – плохой дорога.

– Тут у тебя живет один человек, где он? – спросил первый голос.

– Один человек? Он уже не живет. Выздоровел и ушел. А зачем он нужен? Может, он бандит?

– Большевик, – ответил первый голос.

Вилли Улла удивленно пощелкал языком.

– Разве узнаешь, кто он?! Пришел больной, просит...

– Врет он все. Все в деревне знают, что это большевик! – вдруг вмешался новый голос.

– Мемет Ресул!» – решил Бойко.

– Обыскать дом!

Заскрипели седла, зацокали копыта лошадей, перебиравших ногами, – всадники, очевидно, спешили и вошли в дом.

Через некоторое время из дома послышались громкие крики. Вилли Улла и Мемут Ресул о чем-то спорили и бранились меж собой.

Потом все вышли из дома, и офицер – как решил Бойко – сказал:

– Вилли Улла, ты пойдешь с нами.

Вилли Улла неопределенно чмокнул губами.

Всадники сели на коней и начали спускаться по каменистой дороге. Голоса и шум копыт понемногу затихли вдали.

«Бедный Вилли Улла, он арестован», – подумал Бойко.

Из осторожности, Бойко решил не покидать своего убежища до наступления темноты. Время тянулось медленно. Незаметно для себя, Бойко уснул.

Вдруг он почувствовал, что кто-то осторожно разгребает кучу.

– Кто здесь? – громко, спросонок, крикнул Бойко.

– Тише, – услышал он голос Вилли Улла. – Это я. Вылезай.

Теперь никто не увидит.

– Тебе удалось бежать? – спросил Бойко.

– Зачем бежать, сам ушел. Пуд табаку обещал офицеру. Хороший табак, американ. Он отпустил. Виноградник больше стоит, чем пуд табаку. Теперь тебе нельзя оставаться здесь. Иди. Только в город не ходи и по дороге не ходи. Везде солдаты с ружьями стоят. Вот так иди, – и Вилли Улла показал рукою на восток. – Там лес, большой лес. Там не найдут...

– Спасибо, Вилли Улла, спасибо за все, – сказал сердечно Бойко, протягивая татарину руку.

– Ничего. Хорошо. Спасибо. Прощай... Подожди, я сейчас!

Вилли Улла бросился к дому и вернулся оттуда с небольшим мешком.

– Вот, возьми. Брынза² тут, лепешки. Кушай. Бойко простился с гостеприимным хозяином и побрел меж виноградников к черной громаде леса, видневшейся в горах на востоке.

² Овечий сыр.

II. Пещерный житель

Лес шумел. Ветер налетал порывами, трепал густые, темно-зеленые вершины буков и спешил к высоким северным соснам, росшим на скалистых утесах, и сосны, как будто в испуге, отшатывались от него. А ветер уже мчался дальше, срывался с утеса воздушным водопадом, разливаясь между татарскими деревушками, виноградниками и одинокими белыми дачами.

Сизая туча прикрыла еще не зашедшее за яйлу³ солнце. Оттуда – со стороны тучи – от времени до времени доносились глухие раскаты грома. Приближалась гроза. Среди зарослей орешника испуганно пробежал заяц, спеша к своей норе. С тревожным карканьем, пролетела стая ворон. Все живое спешило укрыться от непогоды.

Низко опустив голову и выдвинув плечи вперед, один только Бойко шел навстречу ветру и буре, – дальше, как можно дальше от жилья, от этих уютных белых дач, красиво опоясавших берег моря. Чем глуше лес, угрюмее скалы, тем в большей безопасности он себя чувствовал. И только когда первые крупные капли дождя, пробившегося сквозь густую

³ Яйла – значит «летнее пастбище». Местные жители, живущие в горах, так называют только вершинную площадь крымской горной цепи, где пасутся летом стада овец и лошадей. Но кроме такого нарицательного значения, слова «яйла» употребляется и как собственное имя Таврической горной цепи.

листву, упали ему на шею, Бойко подумал о том, что и ему пора позаботиться о защите от непогоды.

Он шел по косогору, поросшему густым буковым лесом. По левую сторону был отлогий спуск вниз. Справа громоздились уступами скалы, покрытые сосной и можжевельником. Сваленные бурей деревья и обросшие мхом огромные камни иногда преграждали ему путь.

Дождь все усиливался. Сухие русла горных речек ожили. Вода быстро наполняла их, бурлила у каменных преград и шумела мелкими камешками. Бойко с трудом перебрался через узкий, но глубокий ручей, прошел под проливным дождем лесную поляну и остановился перед бушующим потоком. Нечего было и думать перейти его. Камни и обломки деревьев как будто варились в этой кипящей массе, бешено вертелись и с грохотом низвергались вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.